

Р. А. Разин (*Ижевск*)

Язык как духовная реальность

Язык и мышление характеризуются своей генетической и онтологической одновременностью. Физическая, органическая, ноэтическая энергемы апофатической сущности человека предстают как энергия благодаря своей способности выразить себя посредством жеста, мимики, позы, движения, звука, его интен-

сивности, интонации и т. п. Об энергетическом насыщении можно говорить, если вышеназванные способы самовыражения несут в себе смысл. Полагание смысла в ином – начало мышления. Иное (согласно А. Ф. Лосеву – меон) окаймляет, очерчивает, оконтуривает положенный в него смысл и придает ему зримые очертания. Так, мы видим свет, если он погружается во тьму.

Начиная с самой глубокой древности, в китайской традиции известно, что начало всему положено сгущением и разрежением первоначально (добавим от себя – информационного) пространства. Сгущение (напряжение, концентрация, упругость, свет, тепло) вступает во взаимодействие с пространством разрежения, воспринимаемого как расслабление, текучесть, тьма, холод.

По отношению к апофатической стихии бессознательного в качестве меона выступает сознание, погружаясь в которое, высвечивается очертание смысла. Через свой смысловой облик благодаря слову, именуемому или вещь, или характер, интенсивность, направленность ее воздействия на другой предмет, “вещь осмысленно подействовала на меня, проявилась в своей энергичности” [Лосев 1990: 154].

Вещь, внешняя по отношению ко мне, способна воздействовать на меня посредством своего имени вследствие того, что мое коллективное бессознательное информационно тождественно окружающему меня миру. Называя тем или иным именем тот или иной предмет, мой дух (информация есть логически осмысленная часть духа) узнает сам себя. Слово способно представить перед моим внутренним зрением данный предмет или его взаимодействия с другим предметом. Причем, бытие предмета представлено глаголом, а степень бытийности – прилагательным.

Взаимодействие самоположенных в меоне смыслов есть мышление. Благодаря этому взаимодействию возникает логос как способ становления эйдоса – мысленным зрением схватываемого образа.

Язык сам по себе есть чистый эйдос, есть представление. Способность представлять представление он обретает благодаря своему логосу – грамматике.

Ощущение, восприятие, образное представление, самосознание субъекта – восходящие ступени развития духа – есть результат внешне выраженной знаковой системы – языка. Любой субъект (или это индивид или этнос в целом) совершенствует свой объект при участии языка, содержание которого есть интуитивно

накопленный опыт, а по форме представляющего эйдетики-логическую конструкцию. И представляется верной интерпретация библейского выражения “Вначале было слово...” как в начале становления субъекта. Сама эйдетики-логическая конструкция языка как стройная необходимая последовательность с слов и способ их представления уже есть суждение – логическая основа духовного развития.

Внутренняя гармония языка определяется соответствием логоса совокупности характерных черт эйдоса. Поэтому недопустимо произвольное навязывание чужеродного логоса. Но нередко в процессе взаимодействия духовных пространств логос мессиански-воинственной культуры вторгается в пространство эйдетики-логической гармонии и методом репрессии начинает “совершенствовать” духовное пространство. В результате репрессивного воздействия человек (и этнос в целом) отчуждается от целостно осмысленного пространства. Вещно-предметное и логически-смысловое пространство культуры человека (и этноса) приходят в оппозиционное взаимодействие. К концу XX столетия явно обозначилась логическая оппозиция по отношению к эйдосу самобытной культуры. Но только в последней благодаря логически-эйдетики-смысловому действию “я энергично осмыслен данной вещью, это значит, что я сам владею энергией данной вещи и могу употребить ее уже независимо от самой сущности, энергично мне явившейся, могу употребить ее по-своему” [Посев 1990: 154]. Конечно, источник энергии – моя апофатическая сущность, но она энергично раскрывается благодаря грамматически оформленному слову. И мое употребление ее по своему усмотрению есть признак моей свободы. Но свобода требует воли. Именно посредством воли как способности полагать апофатическую сущность в мейне начинается словесно-мыслительный процесс. Воля выступает как момент, связующий человека со своей сущностью, которую энергично доставляет слово. Воля в то же время есть необходимая предпосылка созидания субъекта, интенсивности и глубины переживаний его жизненного пространства. Под оживляющим воздействием переживаний субъекта слова обретают не только зримые черты, но и телесно ощущаемые качества, т. е. становится мифом – несомненной, самодостаточной субъективной реальностью.

Мифология как неосознаваемая матрица духовного пространства определяет и предписывающую функцию языка, и способы интерпретации предписаний, и характер их исполнения.

Ценностные характеристики деятельности определяются, исходя из общего мифологического контекста. Сама оценочная шкала верифицируется, сравнивая ее с мифологической реальностью.

Оценка положения дел в настоящем, установление направления последующих изменений ожидание какого-то результата в данном духовном пространстве тесно взаимосвязаны и поддаются адекватному выражению конструкцией языка данного мифологического пространства. Коррелятивная проекция настоящего в будущее возможна благодаря присутствию прошлого в настоящем. Прошлое как смысловой образ – эйдос определяет временную целостность пространства.

Будущее как возможность дано в самом языке (см.: [Витгенштейн 1993: 281]), благодаря консервативности его эйдоса. Эта возможность заложена во внутреннем характере отношения высказывания к факту. Все ключевые термины данного мифологического пространства проникнуты этим отношением, ибо смысловые акценты здесь даны изначально.

Этнический характер языка и символического его отображения выказывает большую или меньшую подверженность вторжению чужеродного логоса. Западный или в подражание ему построенный субъектно-предикатный тип языка как последовательность суждений, способствующий развитию рассудка, наделен слабым иммунитетом, защищающим внутреннюю гармонию, тогда как язык, со своим письменным выражением, построенным на образном представлении (например китайский) более устойчив в отношении сохранения гармонии своей целостной самости.

Разные духовные пространства различаются и логической сложностью языка. Простота языка (например удмуртского) в этом отношении не означает меньшую выразительную способность, а говорит лишь о своей близости к природному началу. Он более эйдетичен, т. е. имеет более устойчивые смысловые очертания.

Бытие этноса есть со-бытие множества людей, объединенных одним мифологическим пространством, наполненным совокупностью фактов. Но факт – это есть результат интерпретации происходящего. Гармония данного пространства сохраняется при соответствии логической сложности интерпретации происходящим событиям. А это соответствие самоустанавливается в преемственно развивающейся культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990.

Витгенштейн 1993 – Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / Пер. с англ. М.: Издательская группа “Прогресс”, “Культура”, 1993.